

№61 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Покров Пресв. Богородицы

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы, надо сказать, на первый взгляд, довольно странный, во всяком случае, непатриотичный.

Если обратиться к истории, то получается, что мы празднуем поражение наших предков в войне с Византией. Наши далекие предки-язычники более тысячи лет назад осаждали столицу Византийской империи Константинополь. Причем, положение для жителей неприятельского города было совершенно безнадежным. А наши предки были народом воинственным и суровым. Византийцам мало бы не показалось.

И вот, ожидая неминуемую гибель, Константинопольцы принялись усердно молиться. Все столичные храмы были переполнены. И, надобно сказать, что молились они усердно, истово, как это бывает у нас, когда серьезные проблемы. И вдруг что-то случилось в стане наших войск, осаждавших город. Может, эпидемия какой-то летучей болезни, может, у командующего армией с головой что-то случилось – мозгами поехал, но вдруг ни с того, ни с сего, осаждавшие Константинополь наши войска, без пяти минут, как взявшие столицу, без видимых причин повернули назад и ушли восвояси. Десятки тысяч людей, таким образом, были спасены.

Другая странность связана с самим названием Праздника Покрова. Покров можно было бы перевести на наш современный язык как Божие покровительство, которое Всевышний проявил в отношении бедных константинопольцев. Но ведь речь идет не о Божией защите, а Пресвятой Богородицы. Почему? Ведь все что мы имеем, все это получаем от Бога. Христос сказал: «Чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он даст вам». Таким образом, Слово Божие нам говорит, что мы должны просить у Отца нашего Небесного во имя Иисуса. И если мы самым внимательным образом перечитаем все Евангелие, все книги Нового Завета, мы ничего не найдем ни о возможности молиться Деве Марии, ни о том, что Богородица может каким-либо образом быть покровительницей христиан. В первые века своего существования Церковь не знала молитв, обращенных к Деве Марии. По большому счету учение о заступничестве Девы Марии – так называемая Мариология – стремительно развивается только в веке пятом.

Посему, как Вы знаете, многие христиане из протестантских Церквей отвергают это относительно позднее учение, сохранившееся в традиционных Церквях – православной и католической. И очень много споров было, и до сих пор достаточно разногласий в христианском мире.

Так что же, столь громадное почитание Богородицы в традиционных церквях является заблуждением, отступлением от первооснов христианства? Нет, конечно. Церковь – это живой организм. Проходит время, и что-то меняется – что-то исчезает, что-то появляется. Причем, надо сказать, что учение Церкви – это не произведение церковных теологов, которые сидели в кабинетах и теоретизировали то или иное положение христианского вероучения. Все, что возникает и сохраняется в Церкви, зиждется на практике, на духовном опыте. Все достаточно просто. Когда-то кому-то первому, как-то пришло в голову обратиться к Деве Марии с просьбой в ее адрес присоединиться к его молитвам Богу. Ведь сказано в Священном Писании: «Много может усиленная молитва праведного». Ну а Дева Мария была весьма праведным человеком – с этим уже никто не поспорит. Вряд ли кто будет возражать и против того, что Богородица жива, что она продолжает свою, уже бестелесную, жизнь с Богом. И если мы, по слову того же Писания, должны молиться друг за друга, то с какой стати христианам пренебрегать молитвами «честнейшей херувимов и славнейшей без сравнения серафимов»?

И вот, верующие в Иисуса на опыте своей жизни стали убеждаться, что молитвы Пресвятой Марии

очень сильны. Можно бесконечно спорить о правомочности почитания Богородицы с библейской точки зрения, но в Церкви продолжает действовать Дух Божий. Откровение в Церкви продолжается. Иисус Христос вчера и сегодня, и во веки Тот же. И чем дальше, тем больше и чаще люди обращаются к Богородице и получают реальную помощь.

Не форма главное

Форма и содержание – тема наших последних воскресных бесед. Мы неоднократно подчеркивали с Вами, что все наши мысли и чувства, все идеи и переживания выражаются в формах, жестах и символах. В том числе – и наша религиозность.

Храмы, Богослужения, кресты, иконы, облачения, церковная музыка, поэзия и много чего другого – все это внешнее выражение нашего внутреннего состояния предстояния пред Богом, нашего подлинного отношения ко Всевышнему.

Глубоко заблуждаются люди, которые говорят: а мне не нужна вся эта церковная атрибутика, зачем мне вообще храм посещать, свечи перед иконами возжигать, молитвы произносить, проповеди слушать, Библию изучать? Я верю в душе. Так думают многие, причем, они искренне убеждены в том, что это правильно. Мы уже неоднократно говорили об этом и еще раз подчеркнем, что физическая и психическая составляющие человека тесно связаны и взаимозависимы. Физическое зависит от психического и, наоборот, психическое – от физического. Если болит зуб, вряд ли у Вас будет хорошее настроение. Если человек сильно ударился головой об асфальт, он может потерять способность соображать.

И, наоборот, если человека осенила какая-то серьезная идея, он оживает, молодеет, забывает о своих болезнях, а иногда и выздоравливает. Он весь в действии, энергичен. Физические силы у него утраиваются.

Если парень влюбился в девушку, его внутреннее состояние обязательно будет проявляться вовне и оформляться в виде букетов роз или стихов. Может быть, он на руках будет ее носить, а может, серенады под окнами петь. Если она ему позволит, он будет держать ее за руку, обнимать, целовать.

А если он ничего этого не делает, а просто сообщил ей однажды, что я-де тебя люблю, но только в душе, то можно будет серьезно усомниться в том, что он на самом деле ее любит.

Если человек испытывает благодарность Богу, признательность Всевышнему за все, что мы имеем – жизнь, мир, окружающий нас, друзей, любимых и т.д., то эти наши чувства, это отношение к нашему Небесному Папочке обязательно будет как-то выражаться. Как? Это уже не так важно, хотя иногда тоже имеет значение.

Как мы отмечали с Вами, формы появления религиозности весьма многообразны. В зависимости от местной и национальной культуры, менталитета, характерных особенностей народа и т.п. Мы приводили в качестве примера именно африканские православные церкви, как образец непохожести внешней обрядовой стороны Богослужений, потому что сравнения получаются очень яркие и впечатляющие, особенно для людей нашего славянского менталитета.

Во множестве православных церквей Украины, России женщин в брюках и без платочков в храмы не пускают (об этом – отдельный разговор), а в Африке – прихожане молятся «в чем мать родила», и никаких претензий. У нас хор поет произведения Бортнянского, Архангельского, Чайковского, а там – в тамтамы бьют. У нас к Причастию подходят смиренно и тихо, сложив руки на груди крестообразно, а там – приплясывая. Т.е. разница во всех внешних формах разительная. И, тем не менее, и мы – православные христиане и они тоже, самые, как ни-на-есть, православные.

Ну, Африка – это гротеск. Возьмите православную Грецию. Наше с Вами и православие и традиции ведь оттуда идут. По идее, мы должны бы с Вами именовать Греко-православными, т.е. православными греческого обряда. Это название было бы точным потому, что, по вере – мы православные, а обряд у нас – греческий. Греко-католики – почему греко-католиками именуются? Потому, что вера у них католическая, а обряд греческий, как и у нас с Вами. Так вот, может быть, кто-то из Вас бывал в Греции и посещал тамошние храмы? В таком случае, Вы могли убедиться в том, насколько мы разные. Напевы абсолютно иные – ни капельки не похожи на наши с Вами, да и много чего другого рознит нас во внешних формах и действиях.

Даже православные соседней Молдавии – они тоже греко-православные и очень близки нам в религиозно-культурном отношении, но и они имеют заметные обрядовые отличия. Самый простой пример: в конце заупокойной панихиды у нас с Вами поют «Вечная память», и священник совершает **каждение** вокруг столика с коловом и приношением, а в Молдавии этот стол поднимают, и потрясают им в воздухе. Так

это ближайшая соседняя наша Церковь - одних и тех же традиций, одних и тех же обрядов.

Какие-то мелкие обрядовые особенности может иметь даже отдельно взятая приходская община в любой епархии. Не любой, конечно, приход, а там, где протекает более-менее вменяемая церковная жизнь.

Проявление самобытности может быть самым неожиданным. Один деревенский священник долго размышлял о смысле благословения хлеба, пшеницы, вина и елея на литии под праздники. И докопался, что в древности это была общинная трапеза. Благословлялся за всенощным Богослужением хлеб и вино для того, чтобы люди могли подкрепить свои силы - нормально поесть и попить.

Не долго думая, он благословил впредь готовить для этих целей не маленькие хлебцы, как у нас с Вами - порежешь - и есть нечего - крохотный кусочек, пропитанный каплей вина, - а громадные буханки, выпеченные в русской печи и десятилитровый бутыль вина. Ну и в конце Богослужения прихожане вкушают этот свежий вкусный хлеб, запивают сухим вином, общаются. В конце трапезы также совершается молитва. Ну и домой возвращаются - не пьяные, конечно, но в хорошем настроении. Нормально?

В общине отца Георгия Кочеткова очень много традиций, практикуемых только в его церкви. Полноценные Агапы, институт оглашаемых. Крещение, как и в древности, у него совершается только во время литургии. Ну, община отца Георгия - это вообще явление мирового порядка.

Мы так же говорили с Вами, что внешние формы и обряды зависимы не только от географии, но и от времени. Опять - тот же наш с Вами греческий обряд. В древних православных храмах все места были, так сказать, сидячими. В этом нетрудно убедиться, если Вы возьмете в руки любой наш славянский служебник. Первое слово, которое должно возглашать служебник - диакон в начале вечернего богослужения - это слово: «Востаните!», т.е. вставайте! Ну, как Вы понимаете, встать можно, когда ты сидишь. Или разве что лежишь. Но кровати в храмах для Богослужебных целей, пожалуй-таки, не было.

Есть чтения на Богослужениях, которые составлены тысячу-полторы тысячи лет назад, которые издревле названы «седальными», «кафизмами», во время которых положено сидеть. А есть, наоборот, акафисты. Акафист в переводе на русский - неседальный, во время которого сидеть не положено. Т.е. раньше - совсем недавно, скажем, тысячу лет назад храмы были укомплектованы сидениями. А потом кому-то помешали. А че? Простой люд пусть стоит. В алтаре - там сиденья положены, особенно архиерею, а в средней части храма - нечего им рассиживаться. Молитесь, небось, пришли.

Ну, на Западе в православных храмах сидения были всегда, там прихожане просто не поняли бы, если бы - без стульев. Они просто обиделись бы, причем, навсегда.

Конечно же, такие вещи нельзя упрощать. Везде есть и плюсы, и минусы.

Если говорить об адекватности положения тела при молитве, то, действительно, молиться сидя или лежа - это как-то не очень соответствует внутреннему состоянию благоговения пред Богом. Если мы встаём, когда входит наш начальник, губернатор, президент или судья в судебный зал заседаний, то, находясь пред лицом Всевышнего, постоять, вроде как, само собою разумеется.

Во время молитвы - да, бесспорно, и то, если человек здоров. Ну а во время ветхозаветных чтений, во время проповеди, какой смысл стоять, если не с оформленной мыслью, то подсознательно вопрошая: да когда же все это кончится? А если спина болит или ноги?

Противники сидений в храмах в этом пункте обычно идут на компромисс: вот больные и калеки пусть сидят, а всем остальным - нечего.

На самом деле все не так просто.

В нашем Сретенском соборе скамеек достаточно. И мы уже давно договорились, что немощные и больные люди могут приходиться, усаживаться и, если здоровье не очень - можно сидеть за всем Богослужением, не вставая. А если человек здоровый, молись стоя. Но если - проповедь, паремии или седалины - присаживайтесь **ВСЕ** без стеснения.

Ну, в общем, большинство из нас так и поступают, за исключением единиц, которые стараются пребывать в храме только стоя. В принципе, нормальное желание, если, конечно, мотивация правильная. Если человек настолько живо чувствует Божье присутствие, что из чувства благоговения пред Всевышним не решается развалиться на скамейке - это похвально. А если человек думает о своем собственном превосходстве: я не такой, как прочие, сидящие здесь, то это, конечно, очень плохо.

Да, так вот, совсем недавно в связи с сидением в храме открылась неожиданная проблема. Было замечено, что многие психологически не могут сидеть, когда остальные стоят.

О. Иоанн. «У одного очень близкого мне человека очень больная нога. Выглядит он молодо и палочку

старается прятать, но когда он стоит, вся тяжесть ложится на более-менее здоровую ногу. Стоять на больной - он не может вовсе. Так вот он приходит в наш храм и садится только тогда, когда садятся все остальные молодые и здоровые люди. А все остальное время стоит. Я его и убеждал, и уговаривал: пришли, уселись и сидите всю службу. А он - не могу и всё. Потом я стал спрашивать других прихожан и убедился, что это - не исключение. Есть среди наших богомольцев одна женщина с жуткими болями в спине. Она тоже стесняется лишней раз в храме присесть».

Это, конечно, напрасно, но какой неожиданный вывод мы можем из этого для себя сделать? Если ты пишешь здоровьем и мог бы отстоять три службы подряд, но рядом с тобою немощный, сядь ради него и его пригласи присесть с тобою вместе.

Мотивация здесь играет решающую роль. Если ты - молодой и здоровый и расселся на евхаристическом каноне, то можно заподозрить тебя в небрежности, в отсутствии благоговения, непонимании важности Богослужебного момента. Если ты сидишь потому, что тебе по барабану все, что происходит сейчас в храме, то это, конечно, плохо. Но если ты рад бы сейчас стоять на коленях, но сел, чтобы не смущался немощный брат твой, ты - на правильном пути.

Почему так? Да потому, что в нашем сознании всегда должен стоять на первом месте человек. Помните, Христос говорил: «не человек для субботы, а суббота для человека». Что такое суббота в контексте речений Иисуса? В широком смысле суббота - это закон, правило, форма, традиция.

Иными словами, все наши церковные правила и обычаи должны возвышать нас, приближать к Богу, помогать нам в прохождении нашего земного поприща и, конечно же, служить нашим ближним. Но ни в коем случае не наоборот. Не человек для правил, а правила для человека. Мы не должны быть рабами обычаев и традиции. Тем более, нельзя навязывать другим эти традиции и правила.

Хотя так бывает.

О. Иоанн. «Лет 19 назад я вынужден был остановить вечернее Богослужение из-за происшедшего инцидента, который, по моей оценке, был трагическим. На пении «Господи воззвах...» я, как обычно, совершал каждение храма. Это был буднично день, и прихожан было совсем мало. И угораздило в этот момент зайти в храм молодой девушке. Судя по ее неуверенному поведению и растерянности, она оказалась в церкви впервые. Как обычно, священнику, проходящему с кадильницей по храму, богомольцы уступают дорогу - отходят в сторону. А эта вновь пришедшая гостья растерялась, не сориентировалась и оказалась как раз на пути следования священника. В этом как раз страшного ничего не было. Я уже свернул в сторону обойти ее, как тут одна из старых наших прихожанок проявила прыть не по возрасту. Ей тогда лет шестьдесят с лишним было, но она сделала прыжок, как двадцатилетняя, к этой впервые пришедшей в храм особе, резко схватила ее за руку, всем корпусом рванула в сторону, и та отлетела аж на середину храма.

От внезапности и мгновенности случившегося я сам был шокирован, - все это происходило метрах в двух от меня. Что же касается гостьи, то испуг в ее лице невозможно было передать словами. Секунд тридцать она была в полном оцепенении, а затем бегом выбежала из храма.

Я тут же остановил Богослужение, произнес экспромтную проповедь на эту тему, не особо подбирая слова и выражения, объяснил неправильность и неправоту подобного поведения и пригрозил грубым изгнанием из храма таких вот инициаторов церковного «благочиния».

Но было поздно. Эту девушку в нашем храме я больше не видел. Боюсь, что после пережитого, она не только в наш собор, а вообще ни в какой, в жизни больше не зайдет».

И здесь, кстати, нельзя рассуждать по типу: на одного прихожанина больше в храме - на одного меньше, подумаешь! Место свято пусто не бывает. На самом деле, даже очень бывает, но дело не в этом.

Первый раз человек в храм просто так не приходит. По всей видимости, что-то произошло в его душе - может, скорбь пережил человек или беду, и душа его потянулась к Богу. А на пути оказался дурак, для которого форма поведения в храме оказалась важнее самого человека, и он принес его в жертву Молоху буквы, которая убивает, если становится главной.

Тогда произошло в нашем храме настоящее, страшное по своей сути преступление, не имеющее никакого извинения. Даже физическое убийство теоретически можно простить, хотя это - грань невозможного. Но духовное убийство, убийство в человеке веры - это грех намного страшнее любых физических преступлений. Недаром Христос говорил: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в геенне». (Мф. 10, 20). Как видите, непонимание места и роли религиозных форм чревато весьма.